

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
ТЮМЕНСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ВЕСТНИК АРХЕОЛОГИИ, АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

Сетевое издание

**№ 3 (54)
2021**

ISSN 2071-0437 (online)

Выходит 4 раза в год

Главный редактор:

Багашев А.Н., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН

Редакционный совет:

Молодин В.И. (председатель), акад. РАН, д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН;
Бужилова А.П., акад. РАН, д.и.н., НИИ и музей антропологии МГУ им М.В. Ломоносова;
Головнев А.В., чл.-кор. РАН, д.и.н., Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (Кунсткамера);
Бороффка Н., PhD, Германский археологический ин-т, Берлин (Германия);
Васильев С.В., д.и.н., Ин-т этнологии и антропологии РАН; Лахельма А., PhD, ун-т Хельсинки (Финляндия);
Рындина О.М., д.и.н., Томский госуниверситет; Томилов Н.А., д.и.н., Омский госуниверситет;
Хлахула И., Dr. hab., университет им. Адама Мицкевича в Познани (Польша);
Хэнкс Б., PhD, ун-т Питтсбурга (США); Чиндина Л.А., д.и.н., Томский госуниверситет;
Чистов Ю.К., д.и.н., Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (Кунсткамера)

Редакционная коллегия:

Агапов М.Г., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Аношко О.М., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Валь Й., PhD, Общ-во охраны памятников Штутгарта (Германия);
Дегтярева А.Д., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Зах В.А., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Зими́на О.Ю. (зам. главного редактора), к.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Ключева В.П., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Крийска А., PhD, ун-т Тарту (Эстония); Крубези Э., PhD, ун-т Тулузы, проф. (Франция);
Кузьминых С.В., к.и.н., Ин-т археологии РАН; Лискевич Н.А. (ответ. секретарь), к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Печенкина К., PhD, ун-т Нью-Йорка (США); Пинхаси Р., PhD, ун-т Дублина (Ирландия);
Пошехонова О.Е., ТюмНЦ СО РАН; Рябогина Н.Е., к.г.-м.н., ТюмНЦ СО РАН;
Ткачев А.А., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН

Утвержден к печати Ученым советом ФИЦ Тюменского научного центра СО РАН

Сетевое издание «Вестник археологии, антропологии и этнографии»
зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство Эл № ФС77-71754 от 8 декабря 2017 г.

Адрес: 625026, Тюмень, ул. Малыгина, д. 86, телефон: (345-2) 406-360, e-mail: vestnik.ipos@inbox.ru

Адрес страницы сайта: <http://www.ipdn.ru>

© ФИЦ ТюмНЦ СО РАН, 2021

**FEDERAL STATE INSTITUTION
FEDERAL RESEARCH CENTRE
TYUMEN SCIENTIFIC CENTRE
OF SIBERIAN BRANCH
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES**

VESTNIK ARHEOLOGII, ANTROPOLOGII I ETNOGRAFII

ONLINE MEDIA

**№ 3 (54)
2021**

ISSN 2071-0437 (online)

There are 4 numbers a year

Editor-in-Chief

Bagashev A.N., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS

Editorial board members:

Molodin V.I. (chairman), member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of History,
Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Buzhilova A.P., member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of History,
Institute and Museum Anthropology University of Moscow
Golovnev A.V., corresponding member of the RAS, Doctor of History,
Museum of Anthropology and Ethnography RAS Kunstkamera
Boroffka N., PhD, Professor, Deutsches Archäologisches Institut, Germany
Chindina L.A., Doctor of History, Professor, University of Tomsk
Chistov Yu.K., Doctor of History, Museum of Anthropology and Ethnography RAS Kunstkamera
Chlachula J., Doctor hab., Professor, University of a name Adam Mickiewicz in Poznan (Poland)
Hanks B., PhD, Professor, University of Pittsburgh, USA
Lahelma A., PhD, Professor, University of Helsinki, Finland
Ryndina O.M., Doctor of History, Professor, University of Tomsk
Tomilov N.A., Doctor of History, Professor, University of Omsk
Vasilyev S.V., Doctor of History, Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Editorial staff:

Agapov M.G., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Anoshko O.M., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Crubezy E., PhD, Professor, University of Toulouse, France
Degtyareva A.D., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Kluyeva V.P., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Kriiska A., PhD, Professor, University of Tartu, Estonia
Kuzminykh S.V., Candidate of History, Institute of Archaeology RAS
Liskevich N.A. (senior secretary), Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Pechenkina K., PhD, Professor, City University of New York, USA
Pinhasi R. PhD, Professor, University College Dublin, Ireland
Poshekhonova O.E., Tyumen Scientific Centre SB RAS
Ryabogina N.Ye., Candidate of Geology, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Tkachev A.A., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Wahl J., PhD, Regierungspräsidium Stuttgart Landesamt für Denkmalpflege, Germany
Zakh V.A., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Zimina O.Yu. (sub-editor-in-chief), Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS

Address: Malygin St., 86, Tyumen, 625026, Russian Federation; mail: vestnik.ipos@inbox.ru
URL: <http://www.ipdn.ru>

ЭТНОЛОГИЯ

<https://doi.org/10.20874/2071-0437-2021-54-3-14>

Адаев В.Н.

ФИЦ Тюменский научный центр СО РАН
ул. Малыгина, 86, Тюмень, 625026
E-mail: whitebird4@yandex.ru

ЮГАНСКИЕ ХАНТЫ НА ДЕМЬЯНКЕ: ФОРМИРОВАНИЕ ЛОКАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Детально представлен механизм формирования локальной идентичности у хантов-переселенцев из Сургутского района ХМАО на р. Демьянка в XX в. Выявлены прервавшиеся направления контактов с исторической родиной и новые узлы, закреплявшие людей на территории. Установлена роль в этом административных преобразований, социально-экономических отношений, брачных контактов и религиозных представлений. Главными маркерами сформировавшейся к 1990-м гг. локальной идентичности определены территориальное укоренение, чувство причастности к региону, новый правовой статус и консолидация общности.

Ключевые слова: этнография Сибири, коренные народы Севера, оленеводство, миграции, этнолокальные сообщества, социальные контакты и изолированность.

Проблемы социальной идентичности — популярная тема современных гуманитарных исследований. При этом аспекты территориальной и этнической идентификации обычно рассматриваются отдельно, нередко через методологическую призму разных дисциплин (см.: [Замятина, 2012; Миронов, 2012; Перевалова, 2019; Самошкина, 2008]). В данной работе представлен частный пример актуализации локальной идентичности¹ у небольшой общности таежных переселенцев, принадлежащих к коренным народам Севера. Помимо становления у указанной общности чувства сопричастности к новой территории здесь будет рассмотрена проблема формирования самостоятельной этнолокальной группы². В этом контексте локальная идентичность проявляется, с одной стороны, в восприятии нового места жительства в качестве родины, с другой — в наметившемся противопоставлении себя сородичам, живущим за пределами означенной территории.

Цель исследования — на частном примере детально рассмотреть механизм формирования локальной идентичности (предпосылки, факторы воздействия, хронология процесса, его ключевые маркеры). Второй важный момент — проследить, как новая территориальная идентичность определяет формирование этнолокального сообщества.

Территория исследования и рассматриваемая общность

В центре внимания находится глубинная таежная территория, расположенная в верховьях и среднем течении р. Демьянки (Уватский р-н Тюменской обл.). Этот крупный иртышский приток значительную часть XX в. оставался существенно изолированным местом, где в напряженные периоды советского времени находили убежище от социального прессинга небольшие этнические сообщества разного происхождения. Среди них были кочевые эвенки — выходцы с Подкаменной Тунгуски, русские промысловики из Уватского и Омского Прииртышья, чувашские крестьяне из Усть-Ишимского района Омской области и ханты-олeneводы с р. Большой Юган Сургутского района ХМАО. О последней общности и пойдет речь в настоящей статье.

Историко-этнографические сведения о демьянских юганцах довольно ограничены. До 1990-х гг. о них встречались лишь краткие упоминания [Дунин-Горкавич, 1996, с. 147; Патканов, 1999, с. 136–137; Пирожников, 2002, с. 125], причем некоторые авторы даже не отличали вы-

¹ Под локальной идентичностью понимается один из видов территориальной идентичности, ассоциация себя с территорией непосредственного проживания, с местным сообществом [Морозова, Улько, 2008; Kolossov, O'Loughlin, 1998].

² Вслед за К.К. Логиновым, мы понимаем под этнолокальным коллективом низшую таксономическую единицу в иерархии этнических общностей. В общем определении это гомогенная группа населения с высокой степенью групповой самоидентификации [2006, с. 3–5].

ходцев с Б. Югана от местного хантыйского населения Демьянки [Балкашин, 1911, с. 7; Мануйлов, 1955; Шухов, 1927, с. 201–207]. Первые серьезные исследования демьянских юганцев состоялись в 1984 г. (экспедиция А.В. Головнева и Е.В. Переваловой) и 1999 г. (экспедиция Н.А. Лискевич (Повод) и А.А. Богордаевой). Отдельные результаты работы были потом представлены либо в публикациях узкой тематики [Богордаева, 2000; Богордаева, Повод, 2005], либо в виде частных примеров в монографии, посвященной обширным этнографическим вопросам [Головнев, 1995]. Некоторые аспекты адаптации юганцев к демьянской территории рассмотрены автором настоящей статьи [Адаев, 2013]. Статья в значительной степени основана на полевых этнографических материалах 2000–2020 гг., а также сведениях из архивных документов. Исследование построено на системном анализе, где формирование нового локального сообщества рассматривается через призму его изменяющихся внешних контактов и социально-культурных границ. Специфической особенностью хантов — этнической общности, широко расселенной в таежном пространстве Западной Сибири, является существенная этнокультурная дробность. Практически по каждому крупному притоку Обь-Иртышья проживает более-менее обособленная хантыйская группа, для которой характерны заметное культурное своеобразие и собственный языковой диалект (говор). Часть подобных территориальных сообществ образовалась в исторически обозримом прошлом, в результате миграции хантов из сопредельных речных бассейнов. Именно поэтому в рассматриваемом нами примере в фокусе исследования оказывается не просто локальная, а этнолокальная идентичность недавних переселенцев.

Демьянская территория, кроме своей труднодоступности, привлекала окружающее население богатыми промысловыми ресурсами — соболем, белкой, северным оленем, лосем, речной и озерной рыбой. Именно поэтому юганские оленеводы с XVIII в. регулярно посещали зимой бассейн Демьянки, в особенности ее среднее и верхнее течение. Постепенно они стали воспринимать себя полноправными хозяевами этих угодий (рис. 1). Схема устоявшегося промыслового освоения реки с северных территорий долгое время отражалась и в чертаниях административных границ региона. Так, значительная часть Демьянки до 1950-х гг. числилась в административном подчинении Ханты-Мансийского национального округа (ХМНО).

На Демьянке имелось и свое хантыйское население. Местные демьянские ханты существенно отличались от юганских по языку, образу жизни и культуре; кроме того, соседствующие коллективы разделяла давняя вражда. К концу XIX в. исконные демьянцы сильно сократились в численности из-за болезней и переместились в низовья реки, отдалившись тем самым от юганских оленеводов еще и пространственно.

Уже в 1920–1930-е гг. юганцы периодически стали задерживаться на демьянских угодьях по несколько лет. Этому способствовали беспокойные события Гражданской войны, эпидемии на Б. Югане, перебои в торгово-обменных отношениях, первые социально-политические и экономические преобразования советской власти (коллективизация, раскулачивание, гонения на шаманов и др.). Еще более многочисленные группы находили укрытие на Демьянке в военные 1940-е гг. и в период государственных кампаний 1950-х гг. (по переводу оленеводов на оседлость, селение их в крупные поселки и пр.).

В 1950-е гг. численность юганских поселенцев на Демьянке достигла исторически зафиксированного максимума — 150–180 чел., пребывавших там одновременно. При этом состав и количество жителей постоянно колебались. Высокая пространственная мобильность хантов Б. Югана обеспечивалась наличием оленного транспорта и была для этой группы привычным явлением. Нестабильность коллектива, начавшего тяготеть к Демьянке, усиливали и разновекторные факторы. С одной стороны, к уходу со своей реки способствовали преимущества жизни в удаленных местах с богатыми промысловыми ресурсами, с другой — на Демьянке были довольно сложные условия содержания оленей; кроме того, на исторической родине оставались родные селения и привычная сеть социальных связей. Тем не менее именно с 1950-х гг. можно говорить о начале оформления демьянской общности юганских хантов.

Выбор юганских хантов-переселенцев в качестве объекта исследования обусловлен двумя соображениями. Во-первых, это одна из самых многочисленных этнических групп, нашедших убежище на Демьянке: по этому показателю она сопоставима лишь с русскими. Во-вторых, демьянские юганцы, в отличие от тех же русских, представляли цельную общность, характеризовавшуюся единым и устойчивым комплексом традиций. Длительному сохранению их культурной самобытности способствовало и регулярное сообщение с Б. Юганом. С 1960–1970-х гг. эти контакты существенно затруднились и в последующие десятилетия минимизировались. Ситуа-

ция, когда довольно многочисленный коллектив оказался в условиях нарастающей изолированности от сородичей, свидетельствует, что имелись серьезные предпосылки для обособления демьянских юганцев в качестве новой локальной (а возможно, и самостоятельной этнолокальной) общности восточных хантов. Попробуем проанализировать перипетии данного процесса и его реальные результаты.

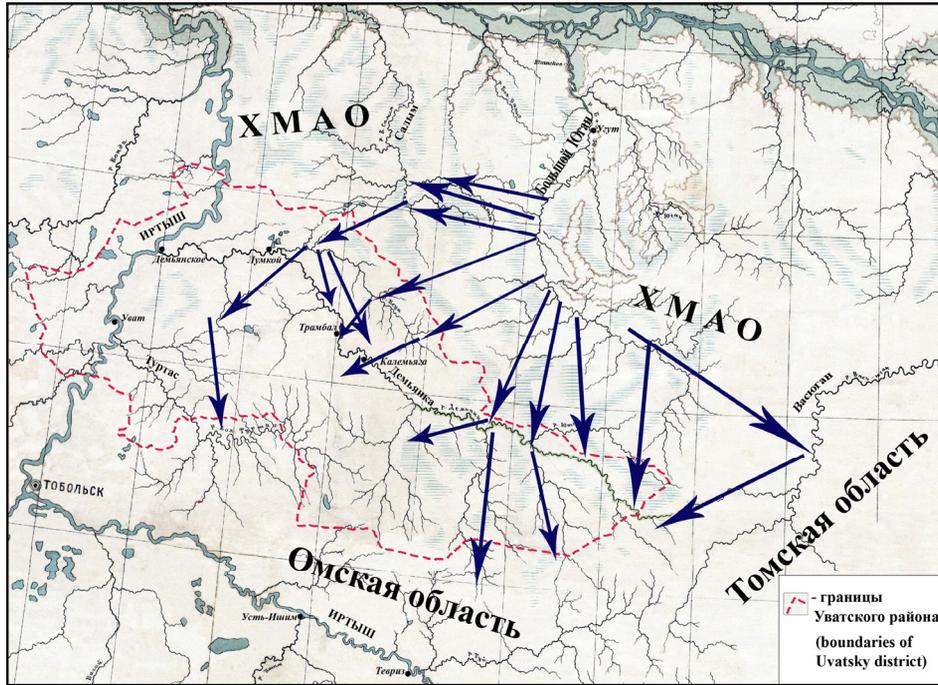

Рис. Схема проникновения юганских хантов на Демьянку, XIX–XX вв.

Fig. Scheme of the penetration of the Khanty from Bolshoy Yugan river to Demyanka river, 19–20 centuries.

В 1960–1970-х гг. произошли важные исторические события, обеспечившие стабилизацию общности демьянских юганцев. Определяющую роль сыграли три фактора: кампания по укрупнению поселений на Б. Югане, окончательный перевод всех жителей р. Демьянка в ведомство Уватского района и угасание оленеводства в бассейнах обеих рек. Первые два фактора подталкивали хантов к принятию окончательного решения о месте жительства (Сургутский или Уватский район) и закрепляли этот факт официальными документами. Третий фактор существенно затруднял сообщение между двумя регионами, происходившее прежде интенсивно, причем у юганцев среднего течения Демьянки прямые контакты с исторической родиной в 1970-е гг. практически сошли на нет.

После оттока около половины хантов в Сургутский район на Демьянке осталась группа юганцев, которая была скреплена с территорией наиболее прочными узами. Определяющее значение здесь уже имело не уклонение от нежелательных социальных контактов, а появившаяся привязанность к обжитым местам и стремление быть рядом с богатыми угодьями. Иными словами, ярко обозначился один из главных параметров формирующейся локальной идентичности — новый регион стал восприниматься как постоянное место жительства, родина. В известном смысле это было закономерно, так как значительный процент среди неухавших составляли ханты, родившиеся на Демьянке либо привезенные туда в детстве.

Более детальный анализ ситуации с невыехавшими хантами открывает любопытные нюансы. Прежде всего имеет смысл подробнее остановиться на изолированности переселенцев от исторической родины: какие конкретно устоявшиеся варианты контактов прервались и почему это случилось (одновременно в поле зрения неизбежно попадают новые узы, закрепляющие людей на территории). Начнем с тех обстоятельств, которые были скорректированы административными мерами.

Административные и социально-экономические трансформации

Знаковым событием 1959 г. стало полное включение бассейна Демьянки в ведомство Уватского района. Причем передача территорий произошла из состава ХМНО, к которому относился Б. Юган. В результате у оставшихся на Демьянке хантов прервались последние формальные,

а чуть позднее и неофициальные взаимоотношения с административными и хозяйственными структурами юганской территории. В частности, прекратились приемка пушнины и снабжение продуктами, охотничьим снаряжением, бытовыми и прочими товарами.

Разрыв социально-экономических связей произошел относительно безболезненно. В-первых, большинство хантов верхней Демьянки были давно переориентированы на южный вектор производственно-экономических связей — Тевризский и Усть-Ишимский районы Омской области. Там были более выгодные торгово-обменные условия: «*Отец и дядя Миша до Тевриза катались, и дед ездил. В Тайлаково [на Югане] ни тряпок, ничего не было, а там можно было чем-то обменяться*» [ПМА, 2005]. С конца 1940-х по 1960-е гг. юганцы сотрудничали с Тевризской райзаготконторой, с 1971-го по 1983-й — с Усть-Ишимской. Причем в последней они пользовались особенно комфортным вариантом отправления и доставки грузов — прямо к их зимним поселениям совершали посадку самолеты «Ан-2».

Во-вторых, функции хозяйственного управления постепенно брала на себя Уватская администрация. Обеспечиваемое ею транспортное сообщение до 1980-х гг. ограничивалось торгово-заготовительным пунктом в п. Калемьяга в среднем течении реки. Третья причина, по которой административно-территориальные пертурбации не отразились отрицательно на уровне благосостояния юганцев, состояла в том, что в 1960–1970-е гг. у них были и местные каналы выгодных экономических связей с работавшими в среднем и верхнем течении реки геофизическими партиями и бригадами лесорубов. С этими работниками можно было договориться о поездке на вертолете, приобрести у них некоторые продукты и товары, а также реализовать промысловую продукцию. Большую прибыль приносил незаконный оборот пушнины, для чего часть ценных мехов ханты утаивали от государственных заготовителей³. Как итог, в 1970-е гг. экономическое положение юганцев на Демьянке оставалось вполне благополучным и не подталкивало их к возобновлению сообщения с исторической родиной.

Школьное обучение

Борьба с неграмотностью среди юганских хантов активизировалась дважды, в 1930-е и 1950-е гг., и всякий раз в рамках кампании по переводу северных народов на оседлость [Wiget, Balalaeva, 2011, p. 34; ГБУТО «ГАСПИТО». Ф. П-23, оп. 1, д. 21, л. 17–20]. Соответственно на Демьянке в своем большинстве оказались как раз те ханты, которые уклонялись от этих государственных инициатив. В таежных селениях демьянской территории со временем тоже открылись начальные школы: в конце 1930-х гг. — в п. Лумкой (низовья реки), в середине 1950-х гг. — в п. Калемьяга. Для юганцев школьное обучение детей здесь было уже не обязанностью, а открывшейся возможностью, которой некоторые воспользовались. В 1950–1960-е гг. в школе п. Лумкой обучалось 3–4 ребенка юганцев (Каюковы, Кончины и Ярсини, жившие близ р. Кеум), а в Калемьяге до 5–6 детей (Кыколевы, Лянтины, Сапоркины, Тайлаковы и Ярсини — со средней и верхней Демьянки) [ПМА, 2004, 2007, 2009; Мануйлов, 1955, с. 48]. Главным результатом обучения с точки зрения хантов было то, что их подростки осваивали разговорный русский язык, получали основы письменной грамотности и арифметики. При этом количество хантских учеников в обоих селениях оставалось стабильно небольшим, а часть из них бросала начальную школу, не закончив полный курс обучения.

Если в Лумковской школе хантские дети составляли малую часть учеников, то школа-интернат в Калемьяге была ориентирована именно на семьи таежных кочевников, но количество учащихся там не удавалось довести до требуемых нормативов. В частности, в 1962 г. на заседании местного исполкома отмечалось, что этот интернат «*из года в год ассигнуемые средства полностью не осваивает*» и целесообразнее вместо него открыть отдельный школьный филиал для хантов в п. Лумкой, направив туда учителя «*из школы хантэйской подготовки*» [УРГА. Ф. 20, оп. 1, д. 3, л. 59 об.]. Интернат в Калемьяге, несмотря на низкую результативность, был закрыт лишь в начале 1970-х гг. вместе с Лумковской школой, когда сворачивалась поддержка неперспективных малых селений. Таежных учеников стали переводить на обучение в далекое с. Демьянское, расположенное близ устья Демьянки. Перспектива отправлять детей в дальние русские поселки большинство юганцев испугала, и, насколько удалось установить по полевым данным, никто из них не переехал на Б. Юган, руководствуясь «образовательными мотивами». Иными словами, до начала 1970-х гг. данное направление возможных контактов с прежней родиной не являлось для них актуальным.

³ Так называемое «оседание пушнины» у охотников [Архив УИЗ. Проект..., л. 40, 49].

Брачные связи

Из-за консервативности традиций и ограниченности экзогамных браков у юганских переселенцев их культурное сближение с иноэтничными демьянскими соседями было одновременно и самым медленным, и самым ограниченным по итоговым результатам. Тем не менее в 1910–1930-е гг. как будто наметился процесс постепенного вливания малочисленных эвенкийских переселенцев в состав демьянских юганцев. Указанные этнические общности имели заметное сходство в структуре хозяйства, образе жизни, бытовой и мировоззренческой сферах, нередко соседствовали на угодьях. Все это облегчало установление близких отношений. Причем, в отличие от юганцев, эвенки не поддерживали тесных контактов и брачных связей со своими соплеменниками за пределами демьянского региона. Большинство молодых эвенкийских мужчин из первого поколения переселенцев взяли в жены юганских хантыек, и те довольно быстро принесли в быт смешанных семей характерные элементы хантыйской культуры, прослеживавшиеся в конструкции и декоре берестяной утвари, покрое одежды, оленеводческом инвентаре [ПМА, 2005, 2020].

Если бы обозначившаяся интеграционная тенденция сохранилась, то локальная общность юганцев на Демьянке еще в первой половине XX в. вполне могла не только вырасти численно, но и прочнее закрепиться на новой территории, стать более открытой к брачным связям с другими демьянскими соседями, вследствие чего вскоре приобрести яркие культурные черты, отличающие их от собратьев на Б. Югане. Ничего этого не случилось, так как эвенки, от которых исходила инициатива сближения, полностью переключились на более престижные с их точки зрения контакты с иными демьянскими и прииртышскими жителями. Как поясняют нынешние потомки эвенков, ханты были для них не самыми удобными брачными партнерами: имели слишком много традиционных ограничений и запретов, а в широких социальных контактах обычно оказывались ведомой стороной. Показательно, что не было ни одного случая, когда бы эвенкийка вышла замуж за ханта: «Своего мнения у них нет... Вот в советское время за ханта выйти — это всю жизнь быть зависимой от кого-то. Ханты — они своего “я” не имели. У меня сестры — за хантов ни одна не вышла» [ПМА, 2020].

Брачные связи юганских хантов на Демьянке, 1930–1970-е гг.

Marriage ties of the Yugan Khanty on Demyanka river, 1930–1970s

	Каймысовы	Каюковы	Кельмины	Ко(го)нчины	Колсомовы	Купландеевы	Курломкины	Кыколевы	Ларломкины	Лянтини	Немчиновы	Покачевы	Сапоркины	Тайлаковы	Усановы	Ярсини
Каюковы																
Ко(го)нчины																
Купландеевы			?									?				
Курломкины																
Кыколевы																
Ларломкины																
Лянтини																
Немчиновы																
Сапоркины																
Тайлаковы																
Усановы																
Ярсини																

 - 1 брак
  - 2 брака
  - 3 брака

Примечание: в вертикальных столбцах добавлены семьи брачных партнеров с Б. Югана.

В итоге в 1940–1960-е гг. круг брачных партнеров юганцев вновь сузился, при этом доля союзов, заключавшихся в пределах демьянского региона, была высокой. По подсчетам, основанным на полевых материалах, у юганцев верховьев Демьянки она составляла около половины браков, на средней Демьянке приближалась к 70–80 % и лишь у коллектива, жившего по Кеуму, достигала не более 30 %, что объяснялось его обособленным территориальным положением и малочисленностью. К началу 1970-х обособленность кеумцев усилилась, в то время как сообщество жителей верхней и средней Демьянки полностью исчерпало доступный резерв

внутренних брачных связей: данный резерв быстро истощался с сокращением сообщения с Б. Юганом на оленем транспорте и оттоком мигрантов на историческую родину.

К этому надо добавить еще одну важную деталь. В составе юганских хантов выделяются несколько родовых групп (*сир*), основные из которых носят названия Медведя (*Пупи*), Лося (*Нее*) и Бобра (*Мах*). Члены каждой группы традиционно считаются близкими родственниками и не должны сочетаться браком [Лукина, Кулемзин, 1976, с. 236]. Среди демьянских юганцев оказались главным образом представители *сир* Медведя (Каюковы, Кыколевы, Купландеевы, Тайлаковы, Усановы) и Лося (Лянтины, Немчиновы, Ярсини) [Научный архив ТГИАМЗ, ед. 1440, л. 18–19]. Как показало исследование Э. Вигета и О. Балалаевой на Б. Югане, даже там ханты с 1960-х гг. все чаще вынужденно отступали от правил родовой экзогамии в силу возникшей половой диспропорции: в *Пупи-сир* женщинам не доставало брачных партнеров-мужчин [Wiget, Balalaeva, 2011, p. 73–78]. Скорее всего, данный кризис обострился из-за упомянутого резкого снижения оленего транспортного сообщения, когда ханты Б. Югана уже не могли поддерживать прежние свободные контакты с соплеменниками, ушедшими на Васюган, Демьянку и Салым. Таблица демонстрирует, что демьянские юганцы тоже игнорировали правила экзогамии родовых групп, а в некоторых случаях число их внутриродовых союзов превышало внешние. Назревшая необходимость расширения контактов с Б. Юганом по этой сфере отношений к началу 1970-х гг. не вызывает сомнений.

Религиозные представления

Последнее направление контактов демьянских юганцев с исторической родиной касалось религиозных верований. Существовавшая на Б. Югане традиция поклонения родовым (поселковым) духам-покровителям, хранящимся в священных амбарчиках-лабазах, своего продолжения на Демьянке не нашла. Лишь Тайлаковы, проживавшие ближе всех к своему изначальному родовому поселению, продолжали периодически посещать местный лабаз, а их мужчины даже периодически становились хранителями этого лабаза [ПМА, 2007]. Своеобразной заменой культу поселковых духов-покровителей для демьянских юганцев стали жертвоприношения в честь мифологических персонажей высокого ранга, совершавшиеся в близких к селениям березовых рощах. Для нас наиболее важно присутствие в круге сверхъестественных существ, которым адресовались эти подношения, духов-хозяев обеих рек — Б. Югана (Яун-ики) и Демьянки (Саргат-ики).

Чествование Яун-ики свидетельствует о сохранявшейся у юганцев устойчивой эмоциональной связи с былой родиной, об утверждении родства с живущими там сородичами. Эти узлы предстают особенно отчетливо в высказывании одного их современных хантов: *«Для Яун-ики надо обязательно жертвоприношение делать, а если жена с Югана — тем более. Он требует — сны снятся, болеешь»* [ПМА, 2005]. В приведенной фразе обращает на себя внимание указание на жену: супруга, привезенная с Б. Югана, как будто усиливает ослабевающую связь с землей предков, выводит ее на прежний интенсивный уровень. Знаковым является и устойчивое почитание Хозяина Демьянки, особенно учитывая, что он был главным покровителем былых врагов юганцев — демьянских хантов. В 1980-е гг. юганцы настойчиво пытались найти утраченное металлическое изваяние Саргат-ики, откуда не пришли к выводу, что последний от них «ушел» — они не сумели разыскать его священный лабаз на предполагаемом месте, а окружающая территория вскоре оказалась плотно завалена буреломом. В символическом смысле чужой дух-хозяин как будто отказался стать своим, близким и осязаемым для юганских переселенцев.

Драматизма ситуации добавляет версия событий, по которой последний хранитель Саргат-ики из числа демьянских хантов якобы успел передать священный лабаз под опеку семье юганцев Немчиновых. Однако те погибли из-за случайного пожара, так и не рассказав соплеменникам о переданной святыне. Смерть Немчиновых видится юганцам в любом случае обусловленной мистическими обстоятельствами, ведь семья проживала в границах участка между селениями Трамбал и Калемьяга, который согласно легенде некогда прокляли юганские богатыри, чтобы там *«никто не жил, не родился»*. Таким образом, в источнике мистической угрозы для территории причудливо слились воедино и воля чужого духа-хозяина, и проклятие своих богатырей. В связи с этим примечательно то необычное самоощущение, которое испытывают современные демьянские юганцы, пересказывая легенду о богатырском проклятии: жители Б. Югана в этом контексте иногда предстают как «они», а место, на которое они пришли, передается выражением «к нам» [ПМА, 2005, 2007].

Существовали и другие религиозные традиции, которые теоретически могли способствовать поддержанию контактов хантов-переселенцев с Б. Юганом. Например, некоторые пред-

ставители *сир* Медведя согласно традиции держали в качестве оберега деревянное изображение этого зверя, которое можно было изготовить только на Югане. Без такой фигурки медведь как будто начинает везде преследовать человека: «*Она вот если не возьмет, всегда медведя видит. Вот я поеду, ее муж тоже едет — тоже ничего не видит. А она постоянно, едет — видит*» [ПМА, 2005]. Со временем оберег перестает действовать и его нужно вернуть обратно, получив взамен новый. На Демьянке известно, что с изображениями медведя ходили некоторые представители родов Кыколевых, Усановых и Тайлаковых. При этом доставка и обмен фигурок всегда происходили при посредничестве Тайлаковых, периодически посещавших своих родственников на Б. Югане. Остальные демьянские юганцы лишь пользовались этой услугой со стороны соседей, иногда терпеливо ожидая результата по несколько лет, но сами на Юган не ездили [ПМА, 2005, 2007]. Еще одним поводом для сообщения между двумя бассейнами до 1970–1980-х гг. иногда становился медвежий праздник. Но в совместном ритуале с сородичами с Б. Югана из демьянских жителей участвовали опять-таки лишь представители семей Тайлаковых.

Очевидно, что до конца 1970-х гг. религиозные традиции не стали тем стимулом, который диктовал бы интенсивное сообщение хантов-переселенцев с Б. Юганом. Реальные контакты здесь были ограничены довольно узкой сферой, и непосредственно участвовали в них лишь отдельные люди. В то же время благодаря данным традициям все демьянские юганцы сохраняли устойчивую эмоциональную связь с былой родиной.

Переломный период с 1980-х гг.

В первой половине 1980-х гг. обозначившаяся изолированность от Б. Югана заметно снизилась. Первоочередную роль здесь сыграли два фактора. Одним из них стал перевод хантыйских детей на обучение в Сургутский район. Уватские муниципальные работники признали неудачным опыт прикрепления местных юганских школьников к школе-интернату в с. Демьянском. Те немногие таежные дети, которых отдали в интернат родители-ханты, чувствовали себя в крупном селе некомфортно и обособленно. Из-за недостаточного знания русского языка они отставали в учебе, их нередко дразнили и обижали одноклассники [ПМА, 2000, 2005]. Ситуацию удалось в корне изменить после того, как по согласованию с администрацией Сургутского района детей начали отправлять авиацией в начальную хантыйскую школу в с. Таурово на Б. Югане. Теперь уже за редким исключением почти все демьянские юганцы перестали противиться школьному образованию. Их дети получили возможность общаться с сородичами, передавали новости и посылки — то есть, становились на несколько лет активными участниками контактов между двумя бассейнами. Часть подростков продолжала потом обучение в Угуге — центральном поселении на Б. Югане. Такой формат получения образования сохраняется у хантов Уватского района и в настоящее время.

Вторым фактором, способствовавшим оживлению социальных связей Демьянки с Б. Юганом, стало частичное восстановление брачных контактов между регионами. В первой половине 1980-х гг. был заключен семейный союз, который ярко ознаменовал полное исчерпание местного резерва брачных партнеров у демьянских юганцев: поженились однофамильцы. Хотя муж с женой не были близкими родственниками, их родители (как инициаторы брака) подверглись единодушному осуждению со стороны соседей. С этого момента все юноши-ханты уже ездили свататься в селения Б. Югана. Выезды совершали зимой, и в качестве транспортного средства теперь служили снегоходы. Показательно, что старшие мужчины, сопровождавшие женихов, нередко путались в дороге — прежние пути сообщения на Б. Юган поросли лесом и были основательно забыты [ПМА, 2007]. Однако обратного потока сватов не было и заметное количество демьянских юганок оставалось незамужними. Это стало дополнительным стимулом для миграции некоторых семей на Б. Юган. Территориально обособленная кеумская группа в 1980-е гг. вообще исчезает.

В результате к концу 1980-х гг. окончательно выкристаллизовалась общность демьянских юганцев в количестве 50 чел. (численность с тех пор остается стабильной), ареал проживания которой теперь ограничивался верхней и средней Демьянкой. Существенно изменилась демографическая ситуация. По сравнению с 1960–1970-ми гг. значительно снизилась рождаемость в семьях. В 1990–2000-х гг. более половины хантыйских семей имели не более 1–2 детей, высокий процент составляли незамужние женщины детородного возраста, кроме того, часть женщин покидала Демьянку после вступления в брак с юганскими хантами. С учетом лишь женщин в детородном возрасте до 50 лет в число незамужних в это время входило 9 (из них 1 с внебрачным ребенком и 3 вдовы). В конце 1990-х это соотношение изменилось довольно своеобразно: 7 незамужних, из них 4 с внебрачными детьми и 1 вдова. Некоторое снижение числа одиноких юганок не должно вводить в заблуждение — оно произошло за счет достижения вдовами 50-летнего возраста, тогда как состав

незамужних частично обновился. Обращает на себя внимание выросшее число внебрачных детей, причиной чего несомненно была нерешенная проблема дефицита женихов.

Обозначившееся положение, когда брачные контакты Демьянки с Б. Юганом приобрели почти односторонний характер, свидетельствует в пользу двух важных пунктов: а) выделение демьянских юганцев в особую общность с этого момента можно считать завершенным — в глазах сородичей с Б. Югана они уже явно представляли «отрезанный ломоть», при том что желающих покинуть Демьянку среди них самих больше не было; б) одновременно их локальная общность несла в себе отчетливые черты социальной неустойчивости.

В следующие десятилетия локальная идентичность демьянских юганцев существенно укрепилась. Основные маркеры этого процесса:

1. *Укоренение*. В 1990-е гг. ушли из жизни почти все представители старшего поколения, родившиеся на Б. Югане, и похоронены они были возле своих демьянских селений. В результате у последующих поколений местных хантов останки предков покоились уже на Демьянке, а их собственная биография была целиком связана с этой территорией.

2. *Чувство причастности к Уватскому региону*⁴. Уват стал для демьянских юганцев привычной точкой коллективного сбора, решения важнейших производственных и бытовых вопросов. В их сознании районный центр постепенно начал являться бесспорным средоточием властных полномочий, распространяющихся на всю демьянскую территорию. Для доставки населения в село и обратно с конца 1980-х гг. задействуется авиатранспорт и моторные катера, что позволяет перемещать людей быстро и большими группами. С 1983 г. демьянские стойбища снабжены рациями, обеспечившими голосовую связь с ближайшими селениями (самые западные таежные жители могут напрямую общаться с Уватом и передают по цепочке сообщения восточным соседям, точно так же сведения доставляются в обратном направлении). В Увате с советского времени происходит награждение и чествование успешных промысловиков — эти производственные состязания всегда воспринимались юганцами с большой серьезностью. В 2008 г. в районном центре открылся современный краеведческий музей, один из разделов которого посвящен культуре демьянских юганцев. Последние с удовольствием посещают музей, периодически приносят предметы для пополнения экспозиции и приглашают музейных сотрудников на свои стойбища для съемки этнографических фильмов. Некоторые из перечисленных выше позиций — посещение столицы, общее информационное поле, музеефикация истории — были выделены Б. Андерсоном в качестве важных атрибутов формирования национальной идентичности [2006, р. 25–56, 178–185]. В данном случае они несомненно играют ту же роль для актуализации идентичности региональной.

3. *Консолидация группы*. Существенное снижение численности демьянских юганцев к концу 1980-х гг. способствовало усилению их коллективной сплоченности. Группу из 50 чел. было проще собрать во время ежегодных собраний промысловиков в Увате. Из-за недостатка брачных партнеров все семьи давно находились в более-менее близком родстве, что периодически становилось поводом для гостевых поездок и на дальние расстояния. Возможность прямого общения значительно упростилась в 1980-х гг., когда в быт хантов широко вошли моторные лодки, снегоходы и рации.

4. *Новый правовой статус*. Хотя демьянские юганцы проживали вне пределов ХМАО, они, в отличие от эвенков, относились к титульным северным народам Тюменской области. Поэтому в 1990-е гг. первые меры государственной поддержки коренных народов, коснулись сначала именно их, что безусловно подчеркивало особое положение хантов среди остальных таежников Демьянки. Именно «в целях решения социальных задач при работе с КМНС» Уватский район обеспечил бесперебойную работу советского промхоза «Кедровый» в 1990–2000-е гг. [Архив МУП «ПОХ Кедровый». Устав..., л. 3]. В результате все демьянские промысловики, включая юганцев, получили в этот сложный период существенную экономическую поддержку и сохранили официальное право пользоваться промысловыми угодьями. В итоге демьянские юганцы имели тот же уровень социальных гарантий, что и их сородичи на Б. Югане. Кроме того, крайне важно, что в Уватском районе они официально позиционируются не как недавние мигранты, а как коренное население. В общественном дискурсе произошла своеобразная подмена: юганских хантов в районе называют демьянскими [Уватский МО. Официальный сайт], тем самым подразумевая, а иногда непосредственно указывая, что они и есть прямые потомки исконного

⁴ В данном случае речь идет о региональной идентичности, которая, на мой взгляд: 1) неразрывно связана с локальной и поддерживает ее (демьянские юганцы ощущают себя жителями не просто Уватского района, а совершенно конкретной территории в его составе); 2) подчеркивает смену правового положения демьянских юганцев — от полулегальных беглецов к официальным жителям региона, признающим примат местной власти.

угорского населения реки⁵. Вольно или невольно демьянские юганцы принимают на себя такой мифологизированный образ, утверждающий их незыблемую связь с территорией проживания.

Проблема недостатка брачных партнеров-мужчин у демьянских юганцев тоже получила интересное развитие, важное для актуализации локальной идентичности всей общности. Первая половина 2000-х гг. была отмечена радикальными переменами: одинокие юганки стали вступать в брак с русскими, причем союзы в большинстве случаев складывались прочные. К концу 2010-х гг. насчитывалось пять подобных семей, мужчины обычно имели местное происхождение. Устойчивыми браки были прежде всего благодаря культурному сближению юганцев с иноэтничными соседями. Существенно здесь то, что не женщины покидали отчий кров, а мужья оседали в хантыйских селениях, адаптируясь к новому образу жизни и усваивая традиции новой семьи. Показательно, что новых случаев появления внебрачных детей за этот период не отмечено. То, что одинокие юганки продолжали жить в своих селениях, имело любопытные последствия: недемянская невестка нередко оказывалась в окружении целого коллектива родственников мужа. Вполне вероятно, подобные обстоятельства могут способствовать устойчивому сохранению местных культурных особенностей группы. Как ни парадоксально, возникшие на Демьянке в 1980–1990-х гг. сложности с недостатком женихов имели определенный положительный эффект для укрепления локального хантыйского сообщества. Слабый отток своих женщин за пределы региона помогал небольшому коллективу поддерживать стабильную численность и способствовал сохранению этнической самобытности — даже наметившееся смешение с русским населением происходит с позиции культурного доминирования хантов.

Заключение

В настоящий момент демьянские юганцы несомненно являются обособленной общностью восточных хантов, обладающей устойчивой локальной идентичностью. Их территориальная сопричастность включает на региональном уровне отождествление себя с жителями Уватского района Тюменской области, а на локальном — закрепившееся представление о Демьянке как о своей родине. По аналогии с группой юганцев-переселенцев, осевших на р. Салым, которые получили название новосалымских [Мартынова, 1997, с. 222], в отношении данного сообщества можно предложить термин «новодемьянские ханты». Малая численность группы — главное препятствие для перехода ее в категорию самостоятельной этнолокальной общности хантов. В ближайшей перспективе она будет по-прежнему связана нитью отношений со своими сородичами на Б. Югане, хотя прямые контакты жителей двух речных бассейнов сильно ограничены. Они осуществляются в основном со стороны демьянцев и притом через небольшую группу посредников.

Продолжительное обособленное существование новodemьянской общности уже привело к появлению некоторых культурных характеристик, которые заметно отличают ее от хантов, проживающих на Югане. Это, в частности, отсутствие местных поселковых святилищ, сохранение ритуала медвежьего праздника (на Б. Югане сегодня не осталось знатоков, способных руководить церемонией), а также включение в состав своего коллектива русских соседей-таежников. В дальнейшем число таких различий будет неизбежно расти, увеличивая культурную специфику новodemьянских хантов. Показательно, что в высказываниях современных жителей Б. Югана относительно демьянской группы явственно проступает обозначившаяся культурная граница: «*На Демьянке ханты есть, они родственники с юганскими хантами, Лянтины из Тайлаковых — это демьянские ханты.* <...> Демьянские — это те, кто во время войны туда переселился» (выделено мной. — В. А.) [ПМ А. Рудя, 2004]. Жителей Демьянки в приведенной фразе называют уже не юганскими хантами, а лишь их родственниками, по отношению к ним на русском языке прямо используется термин «демьянские ханты», который имеет свое определение.

Финансирование. Работа выполнена по госзаданию № 121041600045-8.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Адаев В.Н. Этапы адаптации юганских хантов на р. Демьянке: Хозяйственное освоение и заселение новой территории // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2013. № 1. С. 67–75.

Балкашин М.И. Казенные лесные дачи Тарского уезда Тобольской губернии: Материалы к изучению колониционных районов Азиатской России. СПб., 1911. 31 с.

⁵ Например, в свежей краеведческой монографии предлагается установить, какие к сегодняшнему дню произошли изменения в жизни хантов на Демьянке в сравнении с описаниями С.К. Патканова 1887 г. (данные описания касались исключительно местной демьянской группы хантыйского населения) [Телегина, 2020, с. 110].

Юганские ханты на Демьянке: формирование локальной идентичности

- Богордаева А.А.* Ханты р. Демьянки в конце XX века (по материалам полевых исследований 1999 г.) // Проблемы взаимодействия человека и природной среды. Тюмень: ИПОС СО РАН, 2000. Вып. 1. С. 57–61.
- Богордаева А.А., Повод Н.А.* Традиционные поселения юганской группы хантов на р. Демьянке (по материалам полевых исследований 1999–2000 гг. в Уватском районе Тюменской области) // Космос Севера. Екатеринбург: Сред.-Урал. кн. изд-во, 2005. Вып. 4. С. 220–229.
- Головнев А.В.* Говорящие культуры: Традиции самодийцев и угров. Екатеринбург: УрО РАН, 1995. 606 с.
- Дунин-Горкавич А.А.* Тобольский Север: В 3 т. Т. 2: Географическое и статистическое описание страны по отдельным географическим районам. М.: Либерея, 1996. 432 с.
- Замятина Н.Ю.* Территориальные идентичности и социальные структуры // Общественные науки и современность. 2012. № 5. С. 151–163.
- Логонов К.К.* Этнолокальная группа русских Водлозерья. М.: Наука, 2006. 276 с.
- Лукина Н.В., Кулемзин В.М.* Новые данные по социальной организации восточных хантов // ИИС. Томск: ИТУ, 1976. Вып. 21. С. 232–240.
- Мануйлов П.* Семья промысловика // Охота и охотничье хозяйство. 1955. № 2. С. 47–48.
- Мартынова Е.П.* Салымские и новосалымские ханты — правовой статус и пути развития // Homo Juridicus: Материалы конф. по юридической антропологии. М., 1997. С. 222–228.
- Морозова Е.В., Улько Е.В.* Локальная идентичность: Формы актуализации и типы // Политическая экспертиза: Политэкс. 2008. № 4. С. 139–151.
- Патканов С.К.* По Демьянке: Бытовой и экономический очерк // С.К. Патканов. Сочинения: В 2 т. Т. 2: Очерк колонизации Сибири. Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 1999. С. 123–183.
- Перевалова Е.В.* И не шаман, и не этнограф: (Этническая идентичность в музейных коллекциях) // УИВ. 2019. № 4. С. 108–115. [https://doi.org/10.30759/1728-9718-2019-4\(65\)-108-115](https://doi.org/10.30759/1728-9718-2019-4(65)-108-115)
- Пирожников Г.А.* Обь-Иртышский Север: Этнографический очерк // Такой далекий и такой близкий Обь-Иртышский Север. Сургут, 2002. С. 89–191.
- Телегина Л.А.* Там, где текут реки. Уват; Тюмень: ИПЦ «Экспресс», 2020. 254 с.
- Шухов И.Н.* Последние следы угасшего оленеводства в Тарском округе // Труды Сибирского ветеринарного института. 1927. Вып. VIII. С. 201–207.
- Anderson B.* Imagined communities: Reflections on the origin and spread of nationalism. L.; N. Y.: Verso, 2006. 240 p.
- Kolossov V., O'Loughlin J.* New borders for New World orders: Territorialities at the Fin-de-Siecle // Geo-Journal. 1998. Vol. 44. No 3. P. 259–273.
- Wiget A., Balalaeva O.* Khanty people of the taiga. Surviving the 20th century. Fairbanks: University of Alaska Press, 2011. 398 p.

ИСТОЧНИКИ

- Архив МУП «Промыслово-охотничье хозяйство Кедровый». Устав МУП «ПОХ Кедровый» объединенного МО «Уватский район». Уват, 2005.
- Архив Усть-Ишимского заготпрома (Архив УИЗ). Проект внутривладельческого устройства ГПХ «Усть-Ишимский». Т. 1. 1974.
- Государственное бюджетное учреждение Тюменской области «Государственный архив социально-политической истории Тюменской области» (ГБУТО «ГАСПИТО»). Ф. П-23. Оп. 1. Д. 21.
- Миронов А.В.* Самоотношение и этническая идентичность личности (на примере обских угров и русских): Автореф. дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2012. 22 с.
- Научный архив Тобольского государственного историко-архитектурного музея-заповедника (ТГИАМЗ). Ед. 1440: Отчет об экспедициях А.В. Головнева и Е.В. Переваловой к хантам рр. Демьянка, Б. Юган за 1984 г. и 1988 г.
- Полевые материалы автора, 2000–2020 гг.
- Полевые материалы А.А. Рудя, 2004.
- Самошкина И.С.* Территориальная идентичность как социально-психологический феномен: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2008. 29 с.
- Уватский МО. Официальный сайт. URL: <https://www.uvatregion.ru/aboutregion/photogallery/1193/> (дата обращения: 01.04.2021).
- Уватский районный государственный архив (УРГА). Ф. 20. Оп. 1. Д. 3.

Adaev V.N.

Tyumen Scientific Centre of Siberian Branch RAS
Malygina st., 86, Tyumen, 625026, Russian Federation
E-mail: whitebird4@yandex.ru

The Khanty of the Yugan River in the Demyanka River basin: formation of local identity

The study is focused on the deep taiga territory located in the upper and middle reaches of the Demyanka River — Uvatsky district of Tyumen Oblast (Western Siberia, Russia). A particular case of the development of local identity in a small community of taiga inhabitants — the Khanty reindeer herders from the Bolshoi Yugan River, who migrated in the first half of the 20th century to the basin of the neighbouring Demyanka River — is

presented. This study aims to examine in detail the mechanism of formation of local identity and to trace how a new territorial identity determines development of specific ethnic local community. The paper is largely based on field ethnographic materials collected in 2000–2020, as well as information from archival documents. The study builds upon a system analysis where the formation of a new local community is viewed through the prism of its changing external contacts and socio-cultural boundaries. There were identified the broken links with the historical homeland and new bonds that rooted the people into the new territory. The corresponding role of administrative transformations, socio-economic relations, marriage contacts, and religious beliefs has been established. The main markers of the local identity formed by the 1990s are territorial rooting, a sense of belonging to the region, a new legal status and consolidation of the considered Khanty community. Presently, the descendants of the Bolshoy Yugan Khantys living in the Demyanka River basin are undoubtedly a separate group within the Eastern Khantys with established local identity. Their territorial belonging includes, at the regional level, self-identification as inhabitants of the Uvatsky District, and at the local level, an upheld notion of the Demyanka Region as their homeland. The long isolated existence of the new Khanty community has already led to the emergence of some cultural characteristics that noticeably distinguish these Khanty people from their kin who live in the Bolshoi Yugan River basin.

Keywords: Siberian ethnography, indigenous people of the North, reindeer husbandry, migration, local ethnic communities, social contacts and isolation.

Funding. The work was done according to the state order № 121041600045-8.

REFERENCES

- Адаев, В.Н. (2013). Stages of adaptation of the Yugan Khanty in the Demyanka river basin: Economic exploitation and settlement of a new territory. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, (1), 67–75. (Rus.).
- Anderson, B. (2006). *Imagined communities: Reflections on the origin and spread of nationalism*. London; New York: Verso.
- Balkashin, M.I. (1911). *State forest allotments of the Tarsk district of the Tobolsk guberniya: Materials for the study of the colonization regions of Asian Russia*. St. Petersburg. (Rus.).
- Bogordaeva, A.A. (2000). Khanty of the Demyanka River at the end of the 20th century (based on materials from field research in 1999). In: *Problemy vzaimodeistviia cheloveka i prirodnoi sredy*, (1), Tyumen: IPOS SO RAN, 57–61. (Rus.).
- Bogordaeva, A.A., Povod, N.A. (2005). Traditional settlements of the Yugan group of Khanty on the Demyanka river (based on materials from field research in 1999–2000 in the Uvat district of the Tyumen oblast). In: *Kosmos Severa*, (4). Ekaterinburg: Sred.-Ural. kn. izd-vo, 220–229. (Rus.).
- Dunin-Gorkavich, A.A. (1996). *The Tobolsk North: In 3 vol. Vol. 2*. Moscow: Libereia. (Rus.).
- Golovnev, A.V. (1995) *Talking cultures: Traditions of Samoyeds and Ugrians*. Ekaterinburg: UrO RAN. (Rus.).
- Kolossov, V., O'Loughlin, J. (1998). New borders for New World orders: Territorialities at the Fin-de-Siecle. *GeoJournal*, 44(3), 259–273.
- Loginov, K.K. (2006). *Russian ethnocultural group of Vodlozerye*. Moscow: Nauka. (Rus.).
- Lukina, N.V., Kulemzin, V.M. (1976). New data on the social organization of the Eastern Khanty. In: *Iz istorii Sibiri*, (21). Tomsk: ITU, 232–240. (Rus.).
- Manuilov, P. (1955). The hunter's family. *Okhota i okhotnich'e khoziaistvo*, (2), 47–48. (Rus.).
- Martynova, E.P. (1997). The Salym and new-Salym Khanty: Legal status and development paths. In: *Homo Juridicus: Materialy konferencii po iuridicheskoi antropologii*. Moscow, 222–228. (Rus.).
- Morozova, E.V., Ul'ko, E.V. (2008). Local Identity: types and forms of actualization. *Politicheskaya ekspertiza: Politeks*, (4), 139–151. (Rus.).
- Patkanov, S.K. (1999). On Demyanka-river: Social and economic essay. In: S.K. Patkanov. *Sochinenia: V 2 t. T. 2*. Tyumen, 123–183. (Rus.).
- Perevalova, E.V. (2019). Neither a shaman, nor an ethnographer (ethnic identity in museum collections). *Ural'skii istoricheskii vestnik*, (4), 108–115. (Rus.). [https://doi.org/10.30759/1728-9718-2019-4\(65\)-108-115](https://doi.org/10.30759/1728-9718-2019-4(65)-108-115)
- Pirozhnikov, G.A. (2002). Ob-Irtys North: Ethnographic essay. In: *Takoi dalekii i takoi blizkii Ob'-Irtyskii Sever*. Surgut, 89–191. (Rus.).
- Shukhov, I.N. (1927). The last traces of extinct reindeer husbandry in the Tara region. *Trudy Sibirskogo veterinarnogo instituta*, (8), 201–207. (Rus.).
- Telegina, L.A. (2020). *Where rivers flow*. Uvat; Tyumen: IPTs "Ekspress". (Rus.).
- Wiget, A., Balalaeva, O. (2011). *Khanty people of the taiga. Surviving the 20th century*. Fairbanks: University of Alaska Press.
- Zamiatina, N.Iu. (2012). Territorial identities and social structures. *Obshchestvennye nauki i sovremenost'*, (5), 151–163. (Rus.).

Адаев В.Н., <https://orcid.org/0000-0001-7355-2007>

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 27.05.2021

Article is published: 27.08.2021